

РАБОЧИЙ ФОЛЬКЛОР XVIII ВЕКА

Статья С. Дмитриева

В последнее время наблюдается значительное оживление интереса к литературе XVIII в. Внимание исследовательской мысли фиксируется при этом преимущественно на таких областях, которые оставались вне поля зрения старой буржуазно-идеалистической историографии. К числу этих областей, впервые сейчас становящихся объектом научного исследования, принадлежит рабочий фольклор XVIII в. Задача, стоящая здесь перед нами на первом плане, — привести в известность памятники этого фольклора. Здесь предлагается вниманию читателя песня ярославских рабочих первой половины XVIII в. Тексту песни предпослан общеисторический комментарий, дающий в основных чертах социально-экономический, бытовой, литературно-общественный фон, на котором становится понятна песня, а также ставящий ряд общих вопросов изучения рабочего фольклора.

I

Ярославль в половине XVIII в. — один из главных центров русской промышленности той эпохи, город с большим количеством рабочего населения.

В 1722 г. возникла в нем первая мануфактура И. Затрапезнова, самое крупное предприятие в городе. А в 1760-х годах в Ярославле насчитывалось уже 11 фабрик (2 полотняных, 3 шелковых, 3 шляпных, 3 суриковых и белильных), 10 заводов, 4 мельницы (между прочим одна писчебумажная) да 17 заводов кирпичных и свыше 300 ремесленников, у многих из которых работали наемные рабочие.

В середине XVIII в. на этих десятках предприятий заняты тысячи рабочих. Только к одной Ярославской Большой Мануфактуре А. Затрапезного в 1764 г. приписано было 4680 мастеровых людей.

Каков же состав местных „фабричных людей“? Каковы условия их жизни и труда? Хорошо известен состав крепостных рабочих. Сохранились данные о рабочих, прикрепленных к Мануфактуре Затрапезновых в 1736 г.¹ Согласно этим данным наиболее значительная группа рабочих — 43% — составлялась из крестьянства. Второе место занимают „посадские“, составляющие 35% общего числа рабочих.

Подавляющее большинство рабочих — местные люди (Ярославль, Романов, Молога, Рыбная слобода). Однако много и „прибылых“. Особенно среди посадских; из Архангельска. Вологды, Тотмы, Соли-Вычегодской, Устюжны-Железнопольской, Новгорода, Старой Руссы, Москвы, Тулы, Калуги, Костромы, Суздаля, Муром, Решмы, Казани.

Точных данных ни о количестве, ни о социальном составе наемных рабочих не имеется. Примерный состав их вероятно не слишком разнился от состава рабочих крепостных.

„Долговременный“ рабочий день, скудное питание или „арестанская плата“ для вольнонаемных рабочих, полное бесправие „рабочих людей“ перед содержателями или директорами предприятий и подавление их личного достоинства — вот условия быта тогдашних рабочих². Особенно

отличались жестокостью владельцы Ярославской Большой мануфактуры Затрапезновы. „Яркий представитель только что нарождавшейся тогда в России промышленной буржуазии Иван Затрапезнов был суровым до беспощадности купцом-капиталистом, который главную ставку ставил на закабалении и жестокой эксплуатации своих рабочих“³.

Вот один (из многих подобных) красочный случай с А. Затрапезновым и малолетним А. Шидматовым.

В Толчковском кабаке 1 августа 1755 г. оживленно передавались друг-другу посетителями кабака, рабочими мануфактуры, подробности происшествия того же дня. А. Затрапезнов „сего числа служителя своего Андрея Шидматова бил плетью и при том битье оный Затрапезнов говорил ему, Шидматову: „для кого де оный Шидматов помилован просить хочешь?“, и что де оной Шидматов просил: прежде для Бога, а на другой онного Затрапезнова спрос — для Пресвятой Богородицы, а потом, на третий спрос, — для Купидона да Эктора, охотничьих его, Затрапезнова, собак; и как де он, Шидматов, для собак помилования просить начал, то де и бить его оный Затрапезнов покинуть приказал... Оной же хозяин их Алексей Затрапезнов в пьянстве своим многие чинит неспристойности, а именно: служителя своему — Луке Борноволову — шпагою голову рассек, камердинеру Петру Иванову — щеку шпагою же поколол“⁴.

Ответом на рабочий день продолжительностью в 14, 16, 18 часов⁵, нищенскую заработную плату, плети и цепи — со стороны рабочих служили привычные приемы: отказ от работы, бегство, реже попытки активных действий — заговоры с анархо-крестьянскими вожделениями, с ясно видимым обычно в большинстве из них стремлением вернуться в „крестьянство“⁶.

Для нас из обильного материала интересно дело о заговоре рабочих полотняной фабрики И. Затрапезнова в 1740 г.

Приведем показания „заводчика“ (т. е. зачинщика). „В прошлом 1739 году был я в большом кабаке с другими фабричными, и во время питья сошлись с нами из бурлаков человек пять, из них одного зовут Смолю. И все эти бурлаки работали на бумажной мельнице Затрапезнова.

Во время питья бурлаки начали говорить мне и товарищам моим: „Что вы на фабрике так терпите, воли вам пошालить нет, бьют вас и держат в колодках. Лучше вам хозяина своего Затрапезнова убить и фабрику его выжечь, оттого была бы вам воля“. Я стал звать Смолу и товарищей его делать дело вместе, но бурлаки не пошли, а сказали: „Теперь бурлаков мало, соберемся в другой год с Низу человек сто“.

В нынешнем 1740 году, будучи на большом кабаке, уговорились мы с товарищами сделать так: собравшись итти ночью за фабрику в лес; из лесу, разобрав от поля забор, войти на мануфактурный двор, зарезать караульных, стоящих у казенной палаты, потом одному, зашедши от конюшни; зажечь, а прочим вломиться в хоромы, зарезать хозяина и живущих при нем людей, разломать дверь казенной палаты, забрать все, что там имеется, и итти на Низ, на Демидовы заводы. А лодки и паспорта хотели промыслить у бурлаков, в чем посулился нам тот же Смола“⁷.

Любопытно место действия. И в 1739, и в 1740, и в 1755 гг. рабочие встречаются друг с другом, обсуждают фабричные новости, соприкасаются с прочим трудящимся людом, мечтают о бегстве, об убийстве ненавистного хозяина всегда в одном и том же месте.

Кабак, большой Толчковский кабак, — постоянное излюбленное место сходок, своеобразный клуб для рабочих жителей Толчковской слободы с ее десятками фабрик и заводов.

„Батюшка наш царев кабак“ исконно являлся не только местом пьянства, но и местом встреч, разговоров, политических споров и рассуждений. „Слово и дело!“ — очень часто кричали в кабаках.

Неприглядность производственной и домашней бытовой обстановки, личная заботность и приниженность рабочего забывались в кабаке не только при помощи „зеленá вина“, но и в пылу горячих бесед со своим же братом, в пении народных песен, под музыку какого-нибудь „скомо-роха с Пресни, который наигрывал песни“, изображенного как необходимая принадлежность кабака на распространенном лубке XVIII в. „Аптека целительная с похмелья“ (т. е. кабак)⁸.

Тут же „велись азартные игры в три листика и трынку и более простые, но не менее азартные игры в орел и решетку или орлянку“⁹.

Но не только игры: по соседству с кабаком располагались нищие и странники, распевавшие песни, неподалеку ставились несложные представления под открытым небом для широкой публики. Иногда и рабочие участвовали в таких спектаклях. Рабочие московской фабрики Тамеса (компаньона Затрапезновых) разыгрывали целые представления на Девичьем Поле в Москве, с царем Соломоном и его маршалком¹⁰. В ярославских постановках Ф. Волкова действуют между разночинцами и рабочие заводов купца Полушкина.

Кабак — исходный пункт популярных тогда кулачных боев. В нем купцы, любители позабавиться дракой, перед началом боя подносили выдающимся бойцам, ожидавшим выхода на побоище, вино и раздавали деньги. В кулачных боях активно участвовали фабричные рабочие. Известный лубок XVIII в. „Добры молодцы кулашные бойцы“, изображающий двух бойцов, Парамошку и кадыка Ермошку, в уста последнего вкладывает такую речь: „Ей, брат Парамошка, худо ты шутишь надо мной, кадыком Ермошкой. Хотя б ты всю изодрал мою рожу, токмо не замал бы моей одежи; знаешь ты сам, что у нашева брата фабришнова для блох не держится много платя лишнего; веть у меня, брат, Ермака, не сшибешь валенова колпака, хотя на ногах у меня бураки, а в руках крепки кулаки“¹¹.

Несомненно, что среди рабочей массы, глубоко уходящей корнями своего происхождения в деревню, бытовали произведения песенного фольклора. Зная сравнительно быструю отзывчивость народной песни на все выдающиеся события своего времени, на все изменения в быту, с уверенностью можно ожидать, что новые трудовые процессы, новый быт, новая жизнь на никогда дотоле невиданных мануфактурах, будут введены в темы фольклорного творчества. Будут введены прежде всего теми, кто на себе переживал все новшества, кто был носителем и создателем фольклора.

Мы в праве ожидать отображения рабочих в их собственном творчестве. Естественно, что общее социально-экономическое положение и низкий культурный уровень мешали вполне развернуться творчеству рабочих. Нет сомнения в том, что и из того, что было создано, что пелось, рассказывалось, иногда записывалось, только отдельные немногие вещи могли попасть в старую печать или сохраниться до нас в рукописях.

Уверенность в существовании рабочего фольклора XVIII в. значительно возрастает по отношению к географическим центрам промышленности той эпохи, в частности по отношению к Ярославлю.

В прошлом лишь два факта подтверждали эту уверенность. Прежде всего знаменитая „Ярославская лента алая“, записанная в десятках песен XVIII и XIX вв. различных местностей России. Ее дарит молодцу девушке как лучший желанный подарок, утрата ее вызывает печаль, не к добру выплетается лента алая из косы. Ленты, славившиеся своим

качеством, вырабатывали в XVIII в. почти все ярославские шелковые фабрики.

В конце XVIII в. в печать попал более значительный памятник песенного творчества местных рабочих. В один из песенников вошла песня, восходящая к фольклору ярославских рабочих. Вот она ¹²:

Близко, близко городочка,
 Близь зеленого садочка,
 Близко зеленого сада,
 Близь города Ярославля,
 Не далече от реки,
 Початой слободы,
 На прекрасе-красоте,
 На высокой на горе,
 На высокой на горе
 Стоял фабричек большой.
 Во том фабричке ребята —
 Удалые молодцы,
 Удалые молодые,
 Не женаты, холостые.
 Собирались ребята,
 С того фабрика гулять
 На прекрасу-красоту,
 На высокую гору;
 Садилися по краю,
 Близь зеленого сада,
 Близко зеленого сада,
 Близь города Ярославля;
 Садилися песни пели,
 Соловьям свистать велели:
 „Соловьишки, свищи!
 Разгуляться к вам пришли!“
 Соловьишки свистали,
 Молодцов всех утешали.

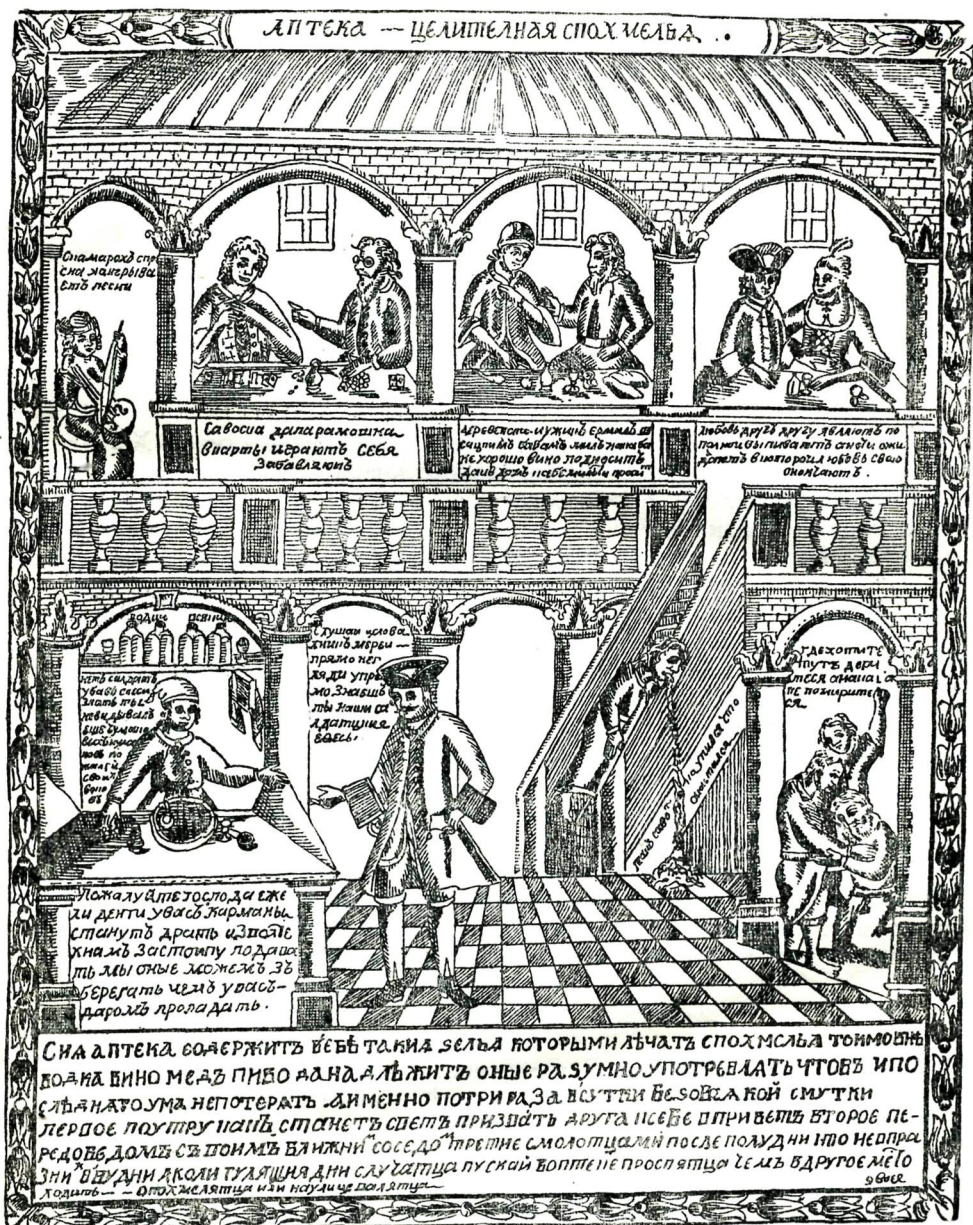
Как у нас было, ребята,
 В Ярославле городе,
 В Ярославле городе
 Во Толчковой слободе,
 У солдаты у вдовы,
 У солдаты у вдовы,
 Были девки хороши,
 Был Васильюшка сынок,
 Ковры ткать мастеров;
 Ковры точет-вытыкает
 И наборы набирает;
 Он горазд письма писать,
 Горазд грамотки читать.
 При компанье пребывает,
 Сам во скрипочку играет.
 Заиграли на скрипице,
 Для души красной девицы,
 Для школьные, манерные,
 Для Пашеньки вдовиной.
 Говорила Паше мать,
 Уговаривал и брат:
 „Полно, Пашенька, уймись,
 С молодцами не водись!
 Доведут тебя ребята
 До славушки до худой!“

— „Хоть худой славы добиться,
 А со всеми поводить!“

Привлекает внимание новый образ рабочей семьи. В Толчковской слободе у вдовы-солдаты дети — сын Василий, дочь Паша.

„Васильюшка, сынок, ковры ткать мастеров; ковры точет — вытыкает и наборы набирает“. На Большой Ярославской мануфактуре (рядом с Толчковым) в XVIII в. вырабатывали между прочим ковры переборные подкрашенные нитяные. Работа шла на „переборных“ станах. К каждому стану прикреплено было двое, трое, четверо рабочих, смотря по сложности узора. Один из них „мастер“, „мастерок“, ткач, ответственный за работу стана, руководил остальными — „переборщиками“: указывал по рисунку, сколько нитей основы надо было поднять или опустить и пр. „Работа на переборных ткацких станах была медленная, утомительна и в то же время — легко подвержена, при случайных ослаблениях внимания со стороны работающих, всевозможным ошибкам“ (Грязнов). Отдельные вещи ткались по неделям и даже месяцам! Некоторых сортов „придворных“ скатертей ткач с тремя переборщиками успевал сработать в день не более полуаршина (при 14 часах работы).

Создатель песни хорошо знает производство. „Васильюшка-мастерок“ на переборном стане. Но он не только ловкий, сноровистый мастерок мануфактуры, в производстве которой, как известно, все зависело от ловкости, поворотливости, тренированности рабочего, он еще: „горазд письма писать, горазд грамотки читать“. Мастерок стана должен разбирать

«АПТЕКА ЦЕЛИТЕЛЬНАЯ О ПОХМЕЛЬЯ»

Лубочная картина XVIII в.
Исторический Музей, Москва

вычерченный на бумаге рисовальщиком узор, высчитывать число пропусков, отступлений, разбираться в заметках на полях рисунка. Васильюшка хороший товарищ, веселый компанейский человек: „При компанье пребывает, сам во скрипочку играет“.

В фигуре Васильюшки-мастерка доходит до нас собирательный образ квалифицированного ткача конца XVIII в., предшественника активного рабочего Ярославской мануфактуры. „Рабочие Большой Ярославской мануфактуры подавали жалобы на тяжесть эксплуатации (а ведь жалоба начальству в условиях крепостного права есть уже „неповиновение“, ведущее к оставлению работ и даже вооруженным столкновениям) в 1803; 1806, 1817, 1818, 1823 гг.“¹³.

Любопытна и Пашенька „школьная, манерная“, рассчитанная на вкус пришедшего из деревни нового „фабришника“, тянущегося к усвоению городской культуры. Не страшит ее „худая слава“, манит компания удалых молодых фабричных ребят, которые для нее „на прекрасе-красоте, на высокой на горе“ недалеко от „большого фабричка“ (местное название Большой мануфактуры, в отличие от Малой) поют песни, играют во скрипочку.

В настоящее время в одном рукописном сборнике стихов XVIII в. мы нашли еще одно крупное произведение, также восходящее к рабочему песенному фольклору Ярославского края. Особенно привлекает оно чертами живого реалистического описания одной из сторон быта рабочих, значительно более раннего периода, чем песня „Близко, близко городочка“.

Затерявшееся в сборнике и неизвестное исследователям оно поражает красочностью и силой, характерной красотой рабочей песни, органически выросшей из форм старой народной песенной традиции.

Вместе с тем оно весьма важно тем, что решительно разрушает весьма распространенное и совсем еще недавно высказывавшееся в ряде специальных работ традиционное представление о зарождении рабочего фольклора в конце XVIII — начале XIX в.

Произведение, публикуемое нами, доказывает существование рабочего фольклора уже в первой половине XVIII в.

По своему художественному достоинству новый памятник должен занять одно из наиболее значительных и почетных мест среди немногочисленных разысканных до настоящего времени и вовлеченных в орбиту научно-исследовательской работы произведений рабочего фольклора.

II

В рукописном собрании Вахрамеева, хранящемся в отделе рукописей Исторического Музея в Москве, под № 555 находится интересующий нас сборник.

Это объемистая книга в кожаном современном переплете в продолговатую четверку (21,5 см. гориз. × 17,5 см. вертик.) из 290 листов хорошей разборчивой скорописи XVIII в.

Бумага сборника имеет водяные знаки двух типов: „ЯМЗ“ или „ЯМАЗ“ на одной половине листа и изображение Ярославского герба на фигурном щите на второй половине. Бумага местного изделия; „ЯМЗ“ — „Ярославская Мануфактура Затрапезнова“, „ЯМАЗ“ — „Ярославская Мануфактура Алексея Затрапезнова“¹⁴.

Сборник состоит из песен и вирш. Он разделяется на две половины. Первая (лл. 1—138) отделена от второй (лл. 150—290) чистыми листами 139—149. Каждая имеет заглавие, реестр (оглавление) и свою внутреннюю порядковую нумерацию произведений. Заглавие первой половины:

Российской
Академіи
разными студентами
СОЧИНЕННЫЕ ПАСТУШКИ, ВИРШАМИ.
Списанные
ВЪ ЯРОСЛАВЛЕ
1755 Году.

В первой половине 135 номеров стихотворений.
Заглавие второй половины:

российской
Академіи
разными студентами
СОЧИНЕННЫЕ ПЕСНИ ВИРШАМИ.
Списанные
ВЪ ЯРАСЛАВЪЛЕ
1755 Году

Вторая половина содержит 159 номеров.

По своему песенному составу сборник мало отличается от обычного типа таких рукописных сборников середины XVIII в. Он заполнен эротическими произведениями, бытовавшими среди учащейся и служилой молодежи и народными песнями. Любовные вирши, пасторали, эротические и юмористические народные песни, сатирические стихи наполняют сборник. Народных произведений значительно больше во второй половине сборника; среди них встречаются восходящие к украинско-польскому фольклору и отдельные к духовным кантам. В первой половине две народные песни, соседние номера (в конце), 133-й: „Что повыше было города Саратова“ и 134-й „Ярославль наш батюшко“, выпадающие своим содержанием и формой из всего состава сборника. Два стихотворения первой половины сборника имеют подписи: № 27 „Г. Свистунова“ (нач. „Полно свет мой не гордися красотою ты своей“) и № 28 „Г. Бекетова“ (нач. „Везде мне скучно стало, Мой дух всегда грустит“).

Вероятно это произведения небезызвестных П. С. Свистунова (1732—1808), воспитанника Сухопутного шляхетного корпуса, автора многих элегий, песен, комедий и трагедий, и Н. А. Бекетова (1729—1794), товарища Свистунова по корпусу. „В молодости, по свидетельству Новикова, он писал стихи, но произведения его в настоящее время в точности неизвестны, так как в „Собрании разных песен“ (Чулкова, 1769 и 1770 гг.) имена авторов не обозначены“¹⁵.

Мы сравнили песенный состав сборника с этим наиболее популярным в XVIII в., первым „Собранием разных песен“ М. Д. Чулкова, ждущим и „заслуживающим, — по справедливому замечанию В. Шкловского, — отдельного исследования“¹⁶. Из 135 произведений первой половины нашего сборника в „Собрании“ Чулкова (части I—III и прибавление. СПб., 1770—1773) нашлось 43, т. е. 32%; из 159 произведений второй половины только 11 встретилось у Чулкова, т. е. 7%.

В первой половине 19 стихотворений Сумарокова, во второй 6. Вторая половина сборника по своему песенному составу архаичнее первой.

Итак сборник писан в Ярославле в 1755 г., на бумаге местного производства того же времени, включает в себе несомненно местное произведение и бытовал, как увидим ниже, также в Ярославле. Думается, что составитель-списыватель тоже местный ярославский человек.

Сравнительно высокая грамотность сборника, беглость и некоторая индивидуальная „красивость“ почерка указывают на довольно высокий

уровень образования составителя. До него—в Ярославль из Петербурга—очень быстро дошли столичные песенные новинки, из самого первоисточника большинства из них—Шляхетного корпуса. Стихи Бекетова (окончил корпус в 1751 г.) и Свистунова (моложе по возрасту Бекетова на три года) дошли до составителя как произведения „штудентов“ Академии. В сборнике новые модные песенки Сумарокова. Все это позволяет высказать следующее предположение о составителе сборника.

Труппа ярославцев-актеров во главе с братьями Волковыми, купеческими сыновьями, была вызвана в Петербург в 1752 г. Она состояла из 12 человек. Самая мысль о театре в Ярославле зародилась у Ф. Волкова в конце 1740-х годов, когда, будучи в столице, он попал за кулисы театра Шляхетного корпуса и, как он сам рассказывает: „Увидя Никиту Афанасьевича Бекетова в роли Синава, я пришел в такое восхищение, что не знал, где был: на земли или на небесах? Тут родилась во мне мысль завести свой театр в Ярославле“. 12 ярославцев сразу попали в средоточие литературно-театральной жизни столицы. В 1752 г. двое из них—И. Дмитриевский и А. Попов—поступают в Шляхетный корпус для обучения. В 1754 г. туда же определены братья Ф. и Г. Волковы. В эти годы Свистунов преподает декламацию в корпусе, Бекетов „в случае“ у Елизаветы. Среди педагогов корпуса и Сумароков, многие стихи которого вошли в сборник. Ф. Волкову он дарит книгу своих творений. В 1756 г. при учреждении русского театра в первую труппу вошли названные четверо ярославцев. Остальные вернулись в Ярославль¹⁷.

Конечно во время пребывания в корпусе (1752—1756 гг.) ярославцы бывали на родине, где у большинства из них остались родные, одноклассники и приятели, различные „копинисты“ и „канцеляристы“, поминаемые Волковым как друзья и ценители его постановок в Ярославле в 1750—1751 г.

Вероятно к этой купеческо-служилой среде местной молодежи 50-х годов XVIII в. и принадлежал неизвестный составитель сборника Лествицына. Ярославцы-актеры привезли ему в Ярославль и самые вирши и указание на принадлежность двух из них отличившимся в корпусе Свистунову и Бекетову, составитель же пополнил их рядом песен, ему ранее известных и бытовавших в окружавшей его среде.

История бытования сборника повидимому не выходит за пределы Ярославля. Написанный в нем в 1755 г., в 1878 г. он был там же куплен из частных рук через букиниста краеведом-историком В. И. Лествицыным (1827—1889), как это явствует из надписи на первом, вкладном листе сборника: „Вадим Иванович! прошу вас вручить за сию книгу 1 р. 50 к. Сергею Игнатову. Ваш покорный слуга Иван Шалагоров. 1878 года декабря 18 дня“. Вадим Иванович—В. И. Лествицын; И. Шалагоров—ярославский букинист. После смерти Лествицына рукопись поступила в собрание Вахрамеева. Подробнее с составом сборника можно познакомиться по описанию А. А. Титова¹⁸.

III

Песня первой половины сборника Лествицына (№ 134, лл. 136, 136 об., 137, 137 об.) „Ярославль наш батюшко“ имеет своим содержанием похождения „фабрицких ребят“ по местным кабакам.

В построении ее намечаются три части.

Первая часть (стихи 1—12, 12 стихов) описывает рабочие районы Ярославля, пригородные слободы, место жительства и работы, а также и большинства дальнейших походов героев песни.

Вторая часть (стихи 13—23, 11 стихов) повествует не без чувства любования и гордости о славных местных мануфактурах, их производстве

и ловких удалых рабочих—„робятах“ ярославских текстильных предприятий.

Третья (стихи 24—58, 35 стихов) посвящена основной теме песни: гулянию героев—„фабрицких робят“—после получки по местным кабакам и вертепам. Она заканчивается сценой похмелья и закладывания гуляками шубы целовальнику.

Комментируем подробнее содержание и стилистические особенности каждой части.

Открывается песня тремя стихами старого традиционного запева „про Ярославль-город“, тяготеющего своими торжественными оборотами к эпической народной песне XVI—XVII вв. Эти стихи и некоторые обороты из следующих за ними—вариация запева про Ярославль, известного *locus communis*, установленного проф. А. М. Смирновым в его работе „Про Ярославль-город“¹⁹.

далее (стихи 4—12) песня после общего образа переходит к описанию конкретного Ярославля. „По тем улицам большим, переулочкам меньшим“ (в 1768—1777 гг. в городе 3451 дом, улиц и переулков 149)²⁰ ряд слобод привлекает внимание песни.

Прежде всего „есть Толчково слобода, течет близко там вода“ реки Которости, впадающей в Волгу. Толчково—старинная промышленная пригородная слобода, самое название которой обязано производству. Жители ее еще в XVI—XVII вв. занимались *толчением* древесной ивовой коры для местных кожевенных заводов, отсюда и Толчково. В XVIII в. оно—самый густо населенный рабочий центр города. С 1722 г. рядом со слободой мануфактура Затрапезновых. В 1776—1777 гг. в Толчкове 37 фабрик и заводов из 188 Ярославля и его ближайших окрестностей. В это время при делении города на сотни существовала толчковская сотня, в которую входили приходы церквей: Иоанна Предтечи, Никола-Меленки, Никола на пенях (все три в Толчкове), Никола Тропина (в слободе Друпиной), Иоанна Златоуста (в слободе Коровниках) и Троицы (в слободе Тверицах). Таким образом Толчково—административный центр всех поминаемых в песне слобод. Удельный вес Толčkова ясен из географического размещения каменных зданий в городе: в 1762 г. в Ярославле всего 43 каменные постройки (не считая церквей): внутри города—19, за городом (т. е. за стеной Земляного города)—14, в Толчкове—8, в Коровниках—2.

„Другая слобода Коровникам названа“, она населена для песни „кирпичниками“—рабочими кирпичных заводов. Название свое слобода ведет от местности, служившей выгоном для скота. В 1776—1777 гг. в Коровниках 4 завода.

Третья слобода Друпина или Тропина, расположенная подле Шиловки (тоже рабочая слободка), интересна песне тем, что в ней „стоялые (т. е. постоялые) дворы—поезжай хоша куды“. В XVII—XVIII вв. в Друпине и Шилровке живут ямщики; в 1762 г. в городе их 264²¹. В 1776—1777 гг. в Друпине 11 заводов и фабрик.

„Четвертые Тверицы, пущай они невелики“ (не велики, вместо ожидаемого рифмы не велици, или описка или сознательная поправка „образованного“ списывателя), зато „там есть много рыбаков и ребят всех удалцов“. Рыбные промыслы Твериц известны уже в XVII в. В 1740—1760 гг. слобода славилась буйством и удалью своего населения в кулачных боях. Тверичане выступали не только в зимних сражениях, но дрались и на сенокосах, в дело пускались даже косы. В 50-х годах двое тверичан прославились на весь город, убив „кулаками, без всякого оружия“ своего соседа. Героев трижды высекли²². В 1776—1777 гг. в Тверицах 4 завода.

Тверицами оканчивается первая часть. Собственно города, его центра песня не затрагивает. Ее привлекают окраинные рабочие слободы, одна толчковская сотня из семи ярославских. В последовательном порядке, соответствующем топографии слобод по отношению к Толчкову, песня рассказывает о Коровниках, Друпине, Тверицах; точнее, о том, что в Коровниках „кирпищички“, а в Друпине „ямщики“, а в Тверицах „ребята удалые рыбаки“.

Вторая часть начинается гордым стихом 13-м: „Со всех фабрик нам зачать, то уж есть чем окончать“. Удивительные „мануфактуры“ производят разнообразнейшие вещи: ковры, салфетки, скатерти, каламенки, „фланские полотна“, „тафты французски“, „кружева персицки“, ленты, платки, „шелковы фаты“.

На мануфактуре Затрапезновых выделялись: скатерти, салфетки, полотна фламские, каламинки вызольные, каламинки волнистые цветные, ковры переборные, изделия из шелка — ленты, тафты, платки, подвязки, „кружева на подобие персицких“, кушаки и пр. На других местных фабриках выделяли и „штоф“, и „штоф гладкую“, и тафты, и полу-тафты, и кружева просто, и „кружева персицки“ (Грязнов).

Как видно из перечисления, песня хорошо знает ассортимент товаров ярославских мануфактур.

Еще большее чувство гордости звучит в песне, когда она сообщает о том, что все эти чудесные вещи, которыми не ударишь в грязь лицом „хоть заморской приеть хто“, производятся своими же: „все робята наши руски“ делают и французские тафты, и фламские полотна, и персидские кружева; так ловки „робята-те фабрицки“, что „это все уж им ничто“, потому что „это все у них в руках, и проворны в ногах, руками челнок бросают, ногам штуки поднимают“, „в том во всем весьма проворны“, ими повидимому „по работе всем довольны“.

Отметим деталь: песне прекрасно знакома техника тканья на „подножных“ станах („руками челнок бросают, ногам штуки поднимают“), на которых работало подавляющее большинство рабочих, вырабатывавших массовую продукцию — ткани простейшего переплетания. В песне выступают „фабрицки робята“ в массе, не мастера, ткачи, работавшие на „переборных“ станах камчатое белье с цветами, узорами, гербами.

При этом образе „фабрицких ребят“ 1730—1750 гг. вспоминается „Васильюшка сынок, ковры ткать мастерок“, который „ковры точет — вытыкает и наборы набирает“ (работа на „переборном“ стане), но который кроме того и грамотен, и при компании пребывает и „во скрипочку играет“, „Васильюшка“ из песни, напечатанной в 1791 г.

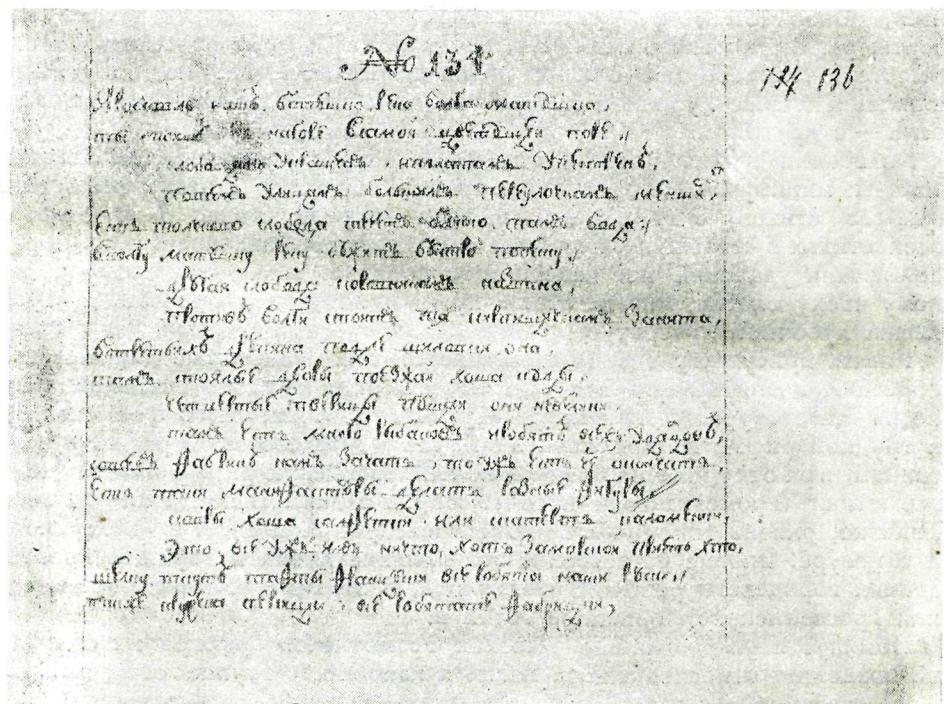
На фабрицких же ребят нашей песни есть своя „беда, как возьмут деньги когда и не любят много злата, закричат наши ребята — пойдем выпьем мы винца по стаканчику до дна“. Так начинает развиваться тема третьей части песни: похождения компании фабричных ребят после полудня.

Соблюдая топографически опять-таки правильную последовательность песня описывает местные кабаки.

Большой кабак, с которого начинают ребята, — поминаемый выше в цитатах из архивных дел Большой толчковский кабак. Исходный пункт — все та же слобода Толчково. Через площадь маленький кабак. Заметим, что в народных песнях и в произведениях простонародной литературы слово кабак часто заменяется его определением, грамматически прилагательным (см. например в „Копии с просьбы в небесную канцелярию“ : „а у меня обычай молодецкой, я веду всякого мужика в кузнецкой“, переписчик рукописи поясняет „то-есть в кабак“²³. Вотшна — водочная изба. Еще в 1711 г. в Ярославле была вотшная поварня,

где гнали и продавали анисную водку²⁴. Слободские кабаки исчерпаны.

„Возьмем лошадь с ропускам“, чтобы отправиться далее. Ропуски — ропуск — станок, дроги для возки воды и вообще кладь (Даль). Служили вероятно и для езды компанияей. В „Посвящении в чиновные чумаки“ (пьяницы) — лубочной картине XVIII в., посвящаемого, между прочим, доставляют в кабак „на самых толстых ропусках, в которых запряжена бывает толстая сыреха“. Спасский кабак в городе, около Спасского монастыря, очевидно славившийся пивом, ибо „там не надо нам винца“. Коровницкий в слободе Коровниках. Туда приходится уже „мах-

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА СПИСКА ПЕСНИ «ПРОСЛАВЬ НАШ БАТЮШКО...»

Исторический Музей, Москва

нуть»: от Спасского до Коровницкого 2—3 километра. Емской — ямской кабак находился вероятно в соседнем с Коровниками Друпине, где жили ямщики. Из Ямского обратно „в Толчково на кабак повидать своих ребят, тамо все наши угары, хоть голы да только правы“. Встречей со своими, толчковскими ребятами, угарами, заканчивается первый круг походов.

Снова отправляются в город. Следуют один за другим: Углицкий кабак — близ Углицкой башни Земляного города; кабак на Горках²⁵; ошара, где можно „вытрясти всю сару“. Ошара — кабак на выезде, в глуши. В Нижнем часть города звалась ошарой — это глушь и притон мошенников (Даль). Действие переносится „под бани“, ребята играют в карты, проигрываются. Здесь стихи 48—50, не совсем ясные по переходу к последующим, представляются единственным местом, сравнительно плохо дошедшим до нас. В частности затруднителен для понимания стих 49-й: „тамо коской покатаь много злата принимать“. Коска — на

писчебумажной фабрике резец или сечка, которой крошаг тряпье; коска — долгий кривой нож (Даль). Быть может „коской покатаь“ — „разновидность известной игры в ножи“?

Госпуски уже покинули компанию. В Семеновский кабак нужно „добежать“ опохмелиться, повидимому на другой день ранним утром, после шумно проведенной ночи. Семеновский — у Семеновской башни Земляного города (на стыке двух современных ярославских бульваров). Целовальнику отдают в заклад шубу, получив под которую „осмуху“ вина, ребята „тащатся“, очевидно на работу, обещая: „Мы все денги принесем, за работу как возмем“. Этим обещанием заканчивается песня.

С окончанием запева, первой части, песенный строй заметно изменяется, обновляется, приобретает взамен стилизации, оттенка архаизма, черты реалистического описания, вводя прямую речь, обновляя лексику. Вместе с тем весь дальнейший облик песни слагается под явственным влиянием стиля лубочной литературы, с одной стороны, виршевой поэзии — с другой.

Колебания в числе слогов отдельных стихов сравнительно незначительны: минимум 13 (в 5 стихах), максимум 16 (в 15 стихах), все остальные (38 стихов) с 14 слогами. Цезура посреди стиха: 7—7, 8—8, во всех стихах с четным количеством слогов, выдержана правильно. В расположении ударений нет какого-либо порядка. Благодаря этому и разному числу слогов, многие стихи приближаются к рифмованной прозе языка лубочной литературы.

Рифма присутствует в большинстве стихов. Некоторые для нее приобретают значительную искусственность, явно чуждого основной ткани песни литературного приема и звучания. См. например 34-й стих, где к трудной рифме формы слова в то ш ну дана составная рифма с написанием в р і о ш ь т ы ну. Заметим, что правильную рифму имеют почти все стихи (кроме заправки и ее повторов в дальнейшем тексте) и песни „Близко, близко городочка“. То же следует сказать и о числе слогов и о цезуре. Вполне естественно это влияние лубка и вирши в произведениях городского рабочего фольклора, в отличие от массы произведений крестьянского фольклора XVIII в.

Помянутая уже довольно высокая грамотность орфографии сборника не позволяет относить список песни к какой-либо группе говоров. Признаки ожидаемого ярославского говора настолько незначительны, что не могут быть приняты во внимание. Если и есть: „робята, с роспускам, полатам, по стаканчику, емской, то тут же и такие написания, как каламенки, кабакам, Ярославль.

Лексический состав песни в основе своей представляет привычный язык народных песен XVIII в. Однако в него обильно вошли представители производственной и бытовой лексики рабочих и горожан: фабрика, мануфактура, кирпичички, стоялые дворы, фигура, штука, ковры, салфетки, каламенки, тафты француски, кружева персицки, фланские полотна, вотошна, целовальник, осмуха (мера вина), угары (угар — лихой парень, сорванец, удалой, кутила и буян. — Даль), деньги-сорки, (от сорить), сара (деньги), карты, коска (нож?), заклад.

Однако несмотря на влияние лубка и виршевой поэзии, в целом песня звучит и воспринимается как народное, фольклорное творчество. Весь строй ее, примитивные приемы фразировки, лексика существенно отличны от приемов и высокой художественной поэзии, касавшейся вакхических мотивов (Кантемир, Сумароков, Майков) и бытовавших в это время в средних слоях литературы песен гуляк и веселых пьяниц (см. между прочим их и в сборнике Лествицына, л. 218-й „Чтож задумались, друзья? Пора наливать“, л. 261 „Здравствуй тот, кто пьет. Пусть весело век

живет“). Самый подход к теме отличен от трактовки подобных тем художественной поэзией XVIII в., он не окрашен ни насмешливо-обличительным, ни морализующе-сатирическим, ни анакреонтическим тоном. Песня эпически спокойно повествует о похождениях своих героев, не читая морали, не обличая, не поощряя. Сквозь строки песни не видно автора и его отношения к сюжету. В некоторое заблуждение может лишь ввести известная литературизация отдельных стихов, которой песня возможно обзавалась списывателю сборника.

В основе же своей песня „Ярославль-город“, так же как и „Близко, близко городочка“, восходит к песенному творчеству середины XVIII в. рабочих-текстильщиков Ярославского края — одного из коупных центров мануфактурной промышленности крепостной России. Вероятно песня рассказывает о похождениях наемных рабочих, общее положение которых было несколько более свободным, чем рабочих крепостных.

Литературно близкие образцы кабацких фольклорных песен XVIII в., созвучные с нашей песней, можно указать например в песне 3-й части „Собрания“ Чулкова (№ 163) „Прости Тферь, град славной, Большой кабак главной“, в которой подробно перечисляются тверские кабаки; и особенно в песне „Во леску, во леску текла речка по песку“, записанной Киреевским в Звенигородском у., Московской губ. в 1833 г. Общее содержание песни — похождения фабричных ребят в кабаке. Отдельные стихи крайне близки к тексту публикуемой нами песни. Заслуживает внимания, что в той же местности Киреевский записал ряд песен, с несомненностью восходящих к ярославскому рабочему фольклору²⁶.

Несомненно, что XVIII в. имел свой рабочий фольклор. Фрагменты его попали в „Сборник“ Чулкова (см. любопытную песню „Как во городе во Санктпигере, На проезжей славной улице. На противу двора гостинова, У Милютина да на фабрике“) издания 1770 г. Он проскользнул в „Песеннике“ 1791 г. („Близко, близко городочка“). Песня, опубликованная ниже, показывает, что он существовал уже в первой половине XVIII в., вернее создавался в 1730—1750 гг. (сборник 1755 г.; ассортимент товаров, упомянутых в тексте песни, стал вырабатываться не ранее 1731 г.).

Разыскания в рукописных сборниках песен, происходящих из промышленных районов XVIII в., руководимые интересом к „новой теме в фольклористике — изучению рабочего фольклора“ (М. Азадовский), могут дать плодотворные и, будем надеяться, богатые результаты и открытия.

Текст песни печатается с точным соблюдением орфографии и пунктуации рукописи. Надстрочные буквы введены в строку. Слитные написания слов разделены нами. Композиция строчек соблюдена по рукописи. Для удобства стихи перенумерованы.

- Л. 136 Ярославль наш батюшко, река волга матушка,
ты стоишь весь на горе в самой цветущей поре.
 слободами украшен, и полатам упестрен.
 по тем улицам большим, переулочкам меньшим,
5 Есть толчково слобода течет близко там вода.
 в волгу матушку реку бежит быстро по песку.
 другая слобода коровникам названа,
 против волги стоит та кирпичичкам занята,
 во третьих друпина подле шиловки она,
 там стоялые двory, поезжай хоша куды,
 четвертые тверицы пушай они невелики,
 там есть много рыбаков и робят всех удалцов,

- со всех фабрик нам зачать, то уж есть чем окончать,
 Есть таки манифактуры делать разные фигуры,
 15 ковры хоша салфетки, или скатерть каламенки,
 Это все уж им ничто, хоть заморской приеть хто,
 шелку ткут тафты француски все робята наши руски,
 также кружева персицки, все робята те фабрицки,
 Л. 136 об. хоша ленты и платки, или шелковы фаты,
 20 это все у них в руках, и проворны в ногах,
 Руками челнок бросают, ногам штуки поднимают.
 Фланские полотно ткут, всяких разных веть штук,
 в том во всем весьма проворны, по работе всем довольны.
 ах на них есть та беда, как возмут денги когда,
 25 и не любят много злата, закричат наши робята,
 пойдем выпьем мы винца по стаканчику додна,
 во большей кабак взойдем ко стоечке подойдем,
 в карман руку опускаем, рублевичек вынимаем,
 рублевичек вынимай, за стоечку подавай,
 30 смотри денги принимай, нас робят не обирай,
 ты отмеряй нам пряменко, а мы пить станем востренько
 тут мы выпьем по одной пойдем братцы на другой,
 Мы по площади пройдем и на маненкой зайдем,
 с маленкова в вотошну иной кричит врюш ты ну.
 35 возьмем лошадь с роспускам по всем ездить кабакам
 в спаском выпьем мы пивца там не надо нам винца.
- Л. 137 На коровницкой махнем, мы всем денешкам тряхнем, —
 Оттоля на емской, целовалник там тверской.
 в толково на кабак повидать своих робят,
 40 тамо все наши угары, хоть голы да толко правы.
 Здравствуйте робята наши, вот вам денги а мы ваши,
 пора в город ехать нам, дожидаются нас там,
 на углицкой брат скачи, наступай а сам свищи,
 и мы вы пьем тут метку пол ведерочка с летку.
 45 И мы грянемте на горки, у нас денги у всех сорки,
 Оттоля на ошару, и мы вытрясем всю сару.
 побываем мы под баням, тамо все наши забавы,
 з голым в карты поиграть, много денег проиграть
 Тамо коской покатать, много злата принимать,
 50 Лише толко веть гремят, ночь спать нам не велят,
 все манят пойдем пойдем, и таварищей возьмем.
 в семеновской добежим, тут себя увеселим,
 повидаемся з друзьям, как с похмелья давно там,
 сидят головы повеса, удалой кричит я здесь,
 55 ах робята шуба есть, мы положим в заклад здесь,
 Л. 137 об. ты давай брат нам осмуху, не моря нашева духу,
 И мы выпьем взвесилимся, в свое место потащимся,
 Мы все денги принесем, за работу как возьмем.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Список по „Переписной книге 2-й ревизии Шаховской волости“. Составлен А. Ф. Грязновым и приложен к его книге „Ярославская Большая Мануфактура за время с 1722 по 1856 год“. М. 1910, стр. 421—453. Анализ списка дан И. И. В л а с о в ы м в статье „Полотняной фабрики директор Иван Тамес“. См. „Труды Иваново-Вознесенского Губ. Научного Общества Краеведения“, вып. 5, Иваново-Вознесенск., 1928, стр. 247—249.

² В л а с о в, стр. 249—250.

- ³ Власов, стр. 257.
⁴ Грязнов, стр. 189, 190.
⁵ Нечкина, М. В. „Рабочие крепостной России“. См. сборник „Очерки истории пролетариата СССР“. М. 1931, стр. 24.
⁶ Нечкина, стр. 30.
⁷ Соловьев, С. М. „История России с древнейших времен“, кн. 4, т. 20, стр. 1444.
⁸ Ровинский, Д. А. „Русские народные картинки“, т. I, СПб. 1881, стр. 329—331.
⁹ Ровинский, т. IV., стр. 300, 301.
¹⁰ Ровинский, Д. А. „Русские народные картинки“. Изд. Голике под наблюдением Н. П. Собко, т. II, СПб. 1900, табл. 406—407.
¹¹ Ровинский, Д. А. Назв. изд. т. I, СПб. 1881, стр. 432—433.
¹² Приводим текст песни по собранию А. С. Соболевского „Великорусские народные песни“, т. VI, СПб. 1900, № 533. Соболевский извлек песню из „Нового русского песенника“. Три части. СПб. 1791, ч. III, стр. 33.
¹³ Гайсинович, А. „Рабочий класс крепостной эпохи“, Харьков, 1931, стр. 62.
¹⁴ Подобные водяные знаки опубликованы в работе Грязнова (стр. 135, 136), при чем образец бумаги с „ЯМЗ“ отнесен к 1757 г., а с „ЯМАЗ“ к 1760—1764 гг. Очевидно даты эти определяют не точное время выпуска бумаги именно с такими водяными знаками, а представляют просто те годы, к которым относились имевшиеся у Грязнова образцы современных документов, писанных на бумаге с этими водяными знаками. Это явствует из того, что сборник Лествицына (называем по первому историческому владельцу) писан на бумаге с такими водяными знаками и точно датирован 1755 г.; писчебумажное производство находилось во владении А. Запразнова с 1741 по 1764 г; трудно думать, чтобы только в последние четыре года хозяйствования он стал выставлять свои инициалы на бумаге.
¹⁵ Шукин, И., Н. А. Бекетов. См. „Библиографические Записки“ 1892, № 10, стр. 714—716.
¹⁶ Шкловский, В., Чулков и Левшин. Л., 1933, стр. 78. Для сравнения мы пользовались переизданными первыми тремя частями (с прибавлением) „Собрания“ Чулкова. См. „Сочинения М. Д. Чулкова“, т. I. Изд. Академии Наук, СПб., 1913.
¹⁷ „История русского театра“ под ред. В. В. Каллаша и Н. Е. Эфроса, т. I. М., 1914, стр. 108—113; Всеволодский—Гернгрос, В. Н., И. А. Дмитриевский. Берлин, 1923, стр. 14.
¹⁸ Титов, А. А., Рукописи славянские и русские, принадлежащие И. А. Вахрамееву, вып. II. М., 1892, стр. 337—364. В приложении к третьему выпуску этого же труда напечатаны „Песни и канты XVIII в. По рукописям В. И. Лествицына“, в число которых вошли некоторые из нашего сборника.
¹⁹ Смирнов, А. М., проф. „Про Ярославль—город“ (из ярославских песенных мотивов). См. „Труды Ярославского Педагогического Института, т. I. вып. II, Ярославль, 1926, стр. 85—95“. „Среди народных песен,—пишет он,—записанных в Ярославском крае, очень популярно следующее песенное вступление, различно варьируемое:

Ярославль да город
 Да на горе стоит,
 На горе стоит
 Да на всей красоте,
 Да на прикрасоте,
 Лучше Питера,
 Да краше Киева,

Лучше матушки
 Да каменной Москвы.
 На всей красоте
 Да между двум рекам.
 На первой-то рекой
 Да Волгой матушкой,
 На второй-то рекой
 Да славной Которосью“.

Вариацию этого запева см. в песне об ярославском пожаре (1658, 1711, 1768 гг. ?) „Собрания“ Чулкова (ч. I, 1770, № 187).

²⁰ См. „Записку неизвестного автора, писанную между 1768—1777 гг.“ и опубликованную И. С. Аксаковым в „Ярославских Губернских Ведомостях“, 1850, часть неоф., №№ 13, 14.

²¹ Там же,

²² Трефолов, А. Н. Ярославль при Елизавете Петровне. См. „Древняя и Новая Россия“ 1877, №№ 3 и 4. Статья основана на архивных данных.

²³ Седелников, А. Д., Плач—памфлет о крепостной доле. См. „Литература и марксизм“, 1931, кн. IV, стр. 136.

²⁴ Лествицын, В. И., Положение Ярославля в 1711 году. См. „Ярославские Губернские Ведомости“ 1873, часть неоф., стр. 254.

²⁵ Местность в Ярославле на современной Республиканской улице, у главного здания Педагогического института. См. Лествицын, В. И., Клад на Горках. „Ярославские Губернские Ведомости“ 1873, часть неоф., стр. 203.

²⁶ „Песни, собранные П. В. Киреевским“. Новая серия. Вып. II, ч. I, №№ 1489, 1573 и др.